

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю. Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма // Юридические исследования. 2025. № 7. DOI:

10.25136/2409-7136.2025.7.74914 EDN: JUDTAR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74914

Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

[Статья из рубрики "Трансформация правовых систем"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.7.74914

EDN:

JUDTAR

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2025

Аннотация: Современный этап развития государственности характеризуется нарастанием процессов институционального размывания демократических норм и правовых ограничений, ранее считавшихся неотъемлемой частью либерального конституционализма. Во многих странах, формально сохраняющих демократические процедуры, наблюдается устойчивая тенденция к эрозии сдержек и противовесов, утрате реальной независимости судебной власти и ослаблению парламентского контроля. Эти процессы особенно наглядны в рамках так называемой «мягкой автократии», при которой внешняя правовая оболочка используется для легитимации антидемократической практики. Указанные явления нельзя сводить исключительно к внутренним сбоям в правоприменении — они представляют собой системную трансформацию основополагающих конституционных принципов. В данном контексте усиливается интерес к исследованию трансформации верховенства права и его подмены имитационными механизмами. Предметом настоящего исследования выступают

кризисные проявления в функционировании демократических институтов и деградация правовой государственности как выражение перехода от субстантивного к формальному конституционализму. На этом фоне актуализируется задача концептуального переосмысления роли публичных властей, институтов гражданского общества и правовых процедур в условиях «постлиберального поворота». Методологическая основа исследования включает сравнительно-правовой, институциональный и критико-нормативный подходы, позволяющие проанализировать эволюцию конституционных режимов с точки зрения устойчивости демократических практик. Новизна исследования заключается в попытке системного осмысления кризиса демократии и права не как изолированных отклонений, а как следствия более глубокой трансформации политико-правового порядка. Предлагается рассматривать данные явления сквозь призму концепции адаптивного конституционализма, способного выявлять признаки имитации и скрытой деконституционализации. Установлено, что формальное соблюдение процедур не гарантирует подлинной реализации принципов правового государства. Более того, юридические инструменты всё чаще становятся объектом политической инструментализации. В работе акцентируется внимание на роли конституционных судов как потенциальных акторов правового сопротивления трансформации, при условии их институциональной независимости и социальной легитимности. Также рассматриваются возможности гражданского общества в восполнении дефицита представительности и подотчётности власти. В заключение подчёркивается необходимость переоценки традиционных моделей конституционного анализа с учётом текущих вызовов демократической эрозии.

Ключевые слова:

конституционализм, верховенство права, демократический откат, институциональная эрозия, мягкая автократия, судебная независимость, имитация демократии, постлиберализм, кризис представительства, правовая деконструкция

Введение

Современный этап развития государственности ознаменован нарастающим кризисом демократических институтов и постепенной эрозией фундаментального принципа верховенства права, что отражает более широкие трансформации внутри конституционного правопорядка. В условиях ускоряющейся политической турбулентности, нарастающей институциональной нестабильности и кризиса доверия к традиционным формам представительной демократии наблюдается возврат к практикам концентрации власти, политической инструментализации правовых институтов и селективного правоприменения. В частности, М. Đuković указывает на уязвимость в современных условиях правовой системы перед лицом политических ограничений, таких как этнополитическое разделение, партукратия, гегемония и «стабилотократия» [\[1\]](#). Эти процессы охватывают как молодые, так и зрелые демократии, порождая феномен, который в западной литературе обозначается как «эрозия верховенства права» [\[2\]](#). Именно в этом контексте, по мнению R. Dixon, обостряется необходимость переосмысления конституционализма не только как нормативной конструкции, но и как динамически меняющегося политико-правового явления [\[3\]](#).

Актуальность настоящего исследования определяется как внутренними, так и внешними факторами: с одной стороны, наблюдается тенденция к демонтажу институциональных

сдержек, обеспечивающих баланс властей, с другой — усиливается тенденция к нормализации правового популизма, подменяющего подлинные механизмы народного представительства формальной демократической риторикой [4]. Эти явления пронизывают современную правовую систему государств, провоцируя деградацию ключевых элементов конституционного строя. Примеры Венгрии, Польши, Турции, а также политические процессы в США и Бразилии последних лет, наглядно демонстрируют, как в рамках формально действующих демократических процедур происходит постепенная институциональная трансформация, ведущая к ослаблению механизмов правового контроля и нарушению принципа независимости судебной власти [5].

Вопрос не только в частных отклонениях от модели «правового государства», но в более глубокой проблеме — исчерпании, по мнению ряда исследователей (М. J. Lindsay, A. Vermeule и др.), ресурса классического конституционализма, основанного на либерально-правовой традиции [6, 7]. Этот классический конституционализм, как известно, формировался в эпоху Просвещения, на идеалах ограничения власти, суверенитета народа и защиты неотъемлемых прав личности (А. Гамильтон, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескьё). Однако современные реалии — в условиях глобализации, цифровизации, транснациональных угроз и растущей нестабильности — требуют переосмысления этих оснований. При этом не происходит их отмены, но наблюдается процесс их переопределения в рамках новых политико-правовых координат. Здесь и проявляется феномен, который в настоящем исследовании обозначается как «адаптивный конституционализм» — особая форма адаптации правовых и политических институтов к кризису традиционного демократического порядка.

Целью настоящей работы является выявление механизмов и направлений этой трансформации, в частности, через призму двух ключевых феноменов: кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права. Эти явления, как будет показано, не являются автономными или случайными, напротив, они формируют устойчивую тенденцию, которая требует концептуального осмысления и научной интерпретации в рамках доктрины современного конституционного права. При этом важно подчеркнуть, что речь идёт не просто об отклонении от идеала, а о переопределении самого содержания конституционализма, что находит своё выражение в институциональных практиках, юридической доктрине и изменении правового дискурса.

Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке и введении в научный оборот категории «адаптивный конституционализм» как аналитической модели, позволяющей комплексно осмыслить происходящие сдвиги в правовых системах различных государств. В отличие от привычного противопоставления «либерального» и «авторитарного» конституционализма, предлагается рассматривать трансформацию как внутренне противоречивый, но закономерный процесс, в котором размываются традиционные границы между формально-демократическими и авторитарными режимами.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении понятийно-категориального аппарата современного конституционного права. В частности, предлагается пересмотреть устоявшиеся дефиниции таких понятий, как «верховенство права», «демократическое устройство», «институциональный контроль», «суверенитет народа», дополнив их современными интерпретациями, отражающими гибридные формы взаимодействия права и власти в эпоху постмодерна. Это особенно важно в условиях, когда традиционные правовые инструменты перестают обеспечивать надёжную защиту от

злоупотреблений и требуют доктринальной ревизии.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов при выработке стратегий институционального реагирования на кризисные явления, укреплении механизмов конституционного контроля и восстановлении подлинного содержания принципа верховенства права. В частности, предложенный теоретический подход может быть применён при разработке правовых реформ, направленных на укрепление независимости судебной системы, повышение прозрачности политических процедур и институционализацию правового мониторинга. Кроме того, исследование может быть полезно для международных организаций, занимающихся оценкой состояния демократии и правового государства. Таким образом, предлагаемая статья ставит перед собой задачу не только анализа текущих правовых реалий, но и формулирования новой исследовательской перспективы, способной объяснить глубинные изменения в структуре конституционного порядка, выявить их причины и предложить адекватные правовые средства для обеспечения его устойчивости в XXI веке.

Теоретико-методологические основы исследования трансформации конституционализма

Историко-правовой анализ развития идеи конституционализма позволяет выявить ключевые парадигмы, на основе которых на протяжении столетий строилось нормативное понимание устройства государственной власти. Классическая модель конституционализма, оформившаяся в эпоху Нового времени, базировалась на трёх фундаментальных опорах: доктрине ограничения власти, принципе разделения властей и идее естественных, неотчуждаемых прав человека. Эти принципы, сформулированные в трудах Дж. Локка, Ш. Монтескьё, Дж. Мэдисона и других мыслителей, положили начало эпохе правового государства и рациональной организации публичной власти, ограниченной законом. Конституционализм выступал не просто юридическим институтом, а идеологией, утверждающей приоритет закона над произволом и обеспечивающей институциональные гарантии автономии личности. В этом контексте Конституция рассматривалась как акт высшей юридической силы, задающий пределы и формы осуществления власти, создавая условия для формирования свободного и ответственного политического сообщества.

Однако в ходе эволюции правовых систем в XX–XXI веках наблюдается процесс, обозначаемый как «модернизация» конституционализма, заключающаяся в переходе от формальной модели — сосредоточенной на структуре и процедурах, — к субстантивному, или содержательному, пониманию. В рамках формального конституционализма государство считается конституционным в силу наличия определённой организационной формы, провозглашённого разделения властей и внешнего соблюдения демократических процедур. Однако, как отмечает D. J. Elazar ^[8], подобная модель способна сохраняться даже при эрозии демократического содержания и утрате реальных механизмов сдержек. В противоположность ей, субстантивный подход исходит из оценки того, в какой мере государственные институты реально обеспечивают права и свободы граждан, действуют в условиях транспарентности и подотчётности, и соответствуют идеалам справедливости. Именно субстантивное измерение становится центральным для оценки конституционного порядка в современных условиях, когда формальное соблюдение процедур всё чаще используется для легитимации антидемократических практик.

Методологически исследование трансформации конституционализма требует опоры на несколько взаимосвязанных теоретических рамок. Одной из них является

институциональный подход, развиваемый в работах D. C. North [\[9\]](#). Согласно этой традиции, правовые и политические институты рассматриваются как формальные и неформальные правила, устойчиво воспроизводящие определённый порядок общественного взаимодействия. Трансформация конституционализма, следовательно, может быть интерпретирована как институциональное изменение — не всегда открытое или радикальное, но часто кумулятивное и эволюционное, приводящее к смещению центра тяжести от публичной ответственности к бюрократической или харизматической легитимации.

Не менее важной методологической опорой служит теория правового государства. Она позволяет акцентировать внимание на нормативной природе публичной власти и её ограниченности через закон. Однако современные вызовы, включая рост нелиберальных режимов, заставляют переосмысливать и эту доктрину — в частности, в направлении исследования механизмов имитации правового государства и инструментализации права в условиях авторитарного правления. В этой связи особое значение приобретает подход, предложенный S. Levitsky и D. Ziblatt [\[10\]](#), где они описывают феномен «мягкой автократии» — постепенного демонтажа демократических институтов при формальном сохранении их структуры и функционирования.

Комплементарной к данной теоретической рамке является концепция «эрозии демократии», активно обсуждаемая в работах Y. Mounk [\[11\]](#), J. Kyle [\[12\]](#) и других. Исследователи подчёркивают, что в современных условиях подрыв демократических механизмов происходит не посредством откровенных переворотов, а через «институциональный дрейф», в рамках которого элиты приспосабливают правила игры под собственные интересы, не разрушая формально правовую оболочку системы. Это приводит к парадоксальной ситуации, когда внешне демократическое государство сохраняет все признаки конституционного устройства, однако по сути утрачивает подлинную демократичность, плюрализм и подотчётность.

В этом контексте особое внимание заслуживает переосмысление самого понятия «трансформация». Традиционно в правовой науке трансформация связывалась с формальными изменениями в правовой системе: принятием новых конституций, реформами институтов, переходом от одного режима к другому. Однако современные процессы требуют иного подхода: трансформация чаще всего проявляется не в смене форм, а в подмене содержания. Речь идёт о явлении, когда институциональная оболочка — парламент, суды, выборы — сохраняется, но наполняется иным смыслом: парламент превращается в инструмент доминирующей партии, суды — в механизм легитимации решений исполнительной власти, а выборы — в ритуал подтверждения лояльности. Эта ситуация ярко описана A. Innes [\[13\]](#) и который называет её «захватом государства».

Таким образом, теоретико-методологическая основа исследования трансформации конституционализма должна учитывать множественность подходов, в том числе институциональный, субстантивный, критико-правовой и сравнительно-правовой анализ. Только при комплексном рассмотрении можно адекватно зафиксировать и объяснить глубокие изменения, происходящие в структуре публичной власти и в механизмах правового регулирования в современных государствах. Это открывает пространство для формирования нового понятийного аппарата, позволяющего описывать постдемократические, гибридные и квазиправовые режимы, которые всё чаще становятся реальностью в глобальной политико-правовой системе.

Кризис демократических институтов: симптом или новая парадигма?

Современное состояние демократических институтов всё чаще оказывается в центре научных дискуссий, фокус которых смещается от классической интерпретации кризиса как временного функционального сбоя к восприятию происходящего как системной трансформации, затрагивающей саму природу представительной демократии. В традиционном понимании кризис демократии представлялся отклонением от нормы, требующим корректирующих мер и институционального «ремонта». Однако на рубеже XX–XXI веков перед исследователями открылась иная картина: наблюдаемые явления всё чаще не носят характер исключения, а становятся устойчивыми признаками новой политико-правовой реальности, в которой прежние механизмы репрезентации и сдержек утрачивают свою нормативную и практическую значимость.

Одним из центральных симптомов этого явления становится институциональный кризис представительной демократии, выражающийся в прогрессирующей делегитимации органов парламентского представительства. Согласно данным исследовательского центра Pew Research Center, в большинстве демократических государств наблюдается устойчивое снижение доверия граждан к парламентам как к эффективному и подотчётному институту. В частности, ежегодное исследование «Public Trust in Government: 1958–2024» демонстрирует устойчивое снижение доверия к Конгрессу, правительству и судам в США — всего 22% взрослого населения ныне высказывают доверие федеральному правительству. Аналогичную тенденцию фиксируют и в Европе. Так, доклад «Trust, public engagement and UK Parliament» (май 2024): демонстрирует рост доли людей с «низким или нулевым» доверием к депутатам (с 54% в 2014 до 76% в 2024), подчёркивая: парламент превращается в закрытый механизм, где важна партийная дисциплина, а не воля избирателей. Электоральные процессы, которые исторически воспринимались как главный инструмент демократической легитимации, утрачивают свою мобилизующую функцию: уровень явки падает, особенно среди молодёжи, а результаты голосования всё чаще оспариваются в судебном порядке, свидетельствуя о снижении доверия к прозрачности и справедливости выборов.

В этой связи обостряется проблема формализации политического участия: несмотря на наличие правовых процедур, гарантирующих свободу выражения воли граждан, сами механизмы участия нередко сводятся к ритуальным действиям без реального воздействия на принятие решений. Политическая активность в её традиционных формах — участие в партиях, обращение к депутату, публичные собрания — замещается цифровыми форматами, которые, несмотря на доступность, часто оказываются менее эффективными в плане обратной связи. В условиях институциональной инерции граждане демонстрируют растущий уровень фрустрации, что, в свою очередь, создаёт благоприятную почву для популистской риторики, обещающей «прямой голос народа» в обход репрезентативных структур.

Популизм как политико-правовой феномен в современных демократиях приобретает не только культурную, но и институциональную форму. Его наиболее опасная грань проявляется в мажоритарной инструментализации демократических процедур, когда победа на выборах используется как мандат на демонтаж систем сдержек и противовесов. В ряде государств (например, в Венгрии, Турции, Польше) зафиксирована практика так называемого конституционного популизма, при котором правящая партия, ссылаясь на «волю народа», последовательно ограничивает независимость судебной власти, перераспределяет полномочия в пользу исполнительной ветви и усиливает контроль над СМИ. В частности, G. Halmai исследуя феномен «популистского конституционализма» в Венгрии после 2010 года, отмечает, что новая базовая конституция и законодательные реформы формально поддерживают институт парламента,

судебную систему и выборы, но фактически превращают их в «легитиматоры» доминирующей партии Fidesz [\[14\]](#).

Особую тревогу вызывает технологизация политического процесса, сопровождающаяся внедрением цифровых алгоритмов, позволяющих не только отслеживать и анализировать политические предпочтения граждан, но и активно манипулировать ими. С развитием «больших данных», нейросетей и платформенного управления наблюдается переход от классических форм агитации к целевому воздействию через индивидуализированные месседжи, формируемые на основе поведенческих данных. Эта тенденция получила наибольшее развитие в ходе избирательных кампаний в США (2016), Великобритании (Brexit) и Бразилии (2018), где цифровые технологии были использованы для создания альтернативной реальности, формирующей у граждан когнитивный пузырь и препятствующей рациональному обсуждению общественно значимых вопросов. Как подчёркивает S. Zuboff, речь идёт не просто о средствах политического маркетинга, а о новой парадигме цифрового контроля, подрывающей саму возможность автономного политического выбора [\[15\]](#).

Наконец, следует обратить внимание на то, что перечисленные явления не являются уникальными или ограниченными отдельными регионами: напротив, они приобретают глобальный характер, охватывая как устоявшиеся либеральные демократии, так и посттрансформационные режимы. Примером институциональной деградации при сохранении внешней архитектуры демократии выступают такие государства, как Венгрия, где после прихода к власти партии Fidesz были внесены масштабные изменения в Конституцию, существенно ограничившие полномочия Конституционного суда; Польша, где в 2017 году был принят закон о реформе судебной системы, вызвавший обеспокоенность Европейской комиссии; Турция, в которой после попытки государственного переворота 2016 года была введена новая конституционная модель, сконцентрировавшая власть в руках президента. Даже Соединённые Штаты Америки, традиционно рассматриваемые как оплот демократических институтов, оказались под ударом после событий 6 января 2021 года, когда был поставлен под сомнение сам принцип мирной передачи власти.

Таким образом, наблюдаемая деградация демократических институтов выходит за рамки простого «кризиса» и требует переосмысления в терминах глубинной трансформации. Вопрос заключается не столько в том, сохраняются ли формальные механизмы демократии, сколько в том, остаются ли они функционально жизнеспособными в условиях новых политико-технологических реалий. Ответ на этот вопрос требует дальнейшего теоретико-правового осмысления и разработки концептуального аппарата, способного адекватно описывать феномен адаптационного конституционализма в эпоху постдемократического развития.

Эрозия верховенства права: переход к «гибридной» нормативности

Классическое понимание верховенства права, сформулированное в трудах A. Dicey [\[16\]](#) и L. Fuller [\[17\]](#), базировалось на постулатах правовой универсальности, равенства всех перед законом и недопустимости произвола со стороны государственных органов. В частности, A. Dicey подчёркивал недопустимость произвольного вмешательства исполнительной власти в сферу частных прав, что оставалось краеугольным камнем либерального конституционализма. L. Fuller, в свою очередь, настаивал на внутренней «моральности права», утверждая, что закон должен быть общим, публичным, стабильным и логически последовательным. Однако в условиях XXI века наблюдается

институциональная эрозия верховенства права как ценностной основы публичной власти, приводящая к изменению его реального содержания при формальном сохранении юридических признаков.

Вместо прямого нарушения норм права речь идёт о более глубокой трансформации, при которой принцип верховенства права утрачивает свою ограничивающую функцию и используется как формально-риторический элемент для легитимации властных решений. Этот процесс сопровождается переходом от модели *«rule of law»* к модели *«rule by law»*, в рамках которой право перестаёт быть универсальным арбитром и всё чаще выступает как инструмент институционализации политической воли. Селективное правоприменение, административная целесообразность, подчинение судебных решений текущей политике — всё это указывает не столько на правонарушение в классическом смысле, сколько на переопределение конституционного содержания самого принципа.

Особенно отчётливо этот сдвиг проявляется в росте исполнительной дискреции: увеличиваются полномочия исполнительной власти, ослабляются парламентский контроль и судебные механизмы сдержек. В ряде государств правительственные органы прибегают к изданию нормативных актов с квазизаконной силой, минуя парламентские процедуры. Это нарушает институциональный баланс и ведёт к формализации права при утрате его субстанциальной (ограничивающей) роли. Иначе говоря, происходит разделение формы и содержания права, при котором юридическая оболочка сохраняется, но заполняется иным — политико-административным — содержанием.

Одним из ключевых индикаторов этой трансформации выступает политизация судебной власти. Независимость суда, как гаранта справедливого и беспристрастного правосудия, оказывается уязвимой перед вмешательством со стороны исполнительной власти, в том числе через механизмы назначения, финансирования и дисциплинарного давления. Подобные процессы задокументированы в ряде европейских государств, включая Польшу, Венгрию и Турцию, где предпринимаются институциональные реформы, перераспределяющие властные полномочия в пользу исполнительной ветви, что вызвало резкую реакцию со стороны Венецианской комиссии и Европейского суда по правам человека.

Роль наднациональных правовых механизмов в этих условиях возрастает. Практика ЕСПЧ, в частности решения по делам *"Baka v. Hungary"* и *"Brusco v. France"*, подчёркивает недопустимость давления на судей и политической инструментализации права. Венецианская комиссия в своих заключениях акцентирует внимание на необходимости укрепления институциональной независимости судов, прозрачности процедур и устойчивости к политическим воздействиям.

В этих условиях всё чаще проявляется феномен «гибридной» нормативности — ситуации, в которой внешняя правовая форма сохраняется, но её внутренняя нормативная природа деформирована. Подобная нормативность выражается в ритуализации правосудия, симуляции юридических процедур и подмене правовых критериев политическими. Как отмечал J. Habermas, подобная трансформация ведёт к размыванию границ между легальностью и легитимностью, подрывая доверие к правовой системе и подменяя её миссию по обеспечению справедливости процедурной фикцией [\[18\]](#).

Таким образом, речь идёт не о политкорректной формулировке нарушения закона, а о качественном изменении природы публичного правопорядка, в котором верховенство права редуцируется до инструмента управления, утратив функцию институционального сдерживания власти. Эта трансформация и составляет один из ключевых признаков

современного кризиса конституционализма.

Трансформация современного конституционализма: институциональные следствия и правовые риски

Современные процессы трансформации конституционализма происходят не только в плоскости формальных институтов, но и на уровне базовых смыслов, определяющих правовую идентичность политических систем. Отказ от либерального ядра, на протяжении двух столетий формировавшего нормативную ось конституционного порядка, происходит на фоне смещения акцента с содержания норм на их процедурную оболочку. Возникает своеобразная парадоксальность: юридическая форма сохраняется, а правовая сущность исчезает. Этот феномен можно охарактеризовать как «инструментализацию конституционализма», при которой конституционные нормы превращаются из средства ограничения власти в инструмент её институциональной стабилизации и воспроизводства. В этом аспекте конституционализм теряет свою антагонистическую природу по отношению к произволу власти и приобретает черты управляемого нормативного каркаса, призванного обслуживать властную вертикаль.

Особенно ярко данная трансформация проявляется на уровне конституционного дизайна, где в последние десятилетия наблюдается тенденция к созданию так называемых «адаптивных» конституций. Эти тексты оформляются как демократические, они включают целый набор универсальных прав и свобод, формальные гарантии независимости судов, принцип разделения властей и политического плюрализма. Однако при внимательном анализе становится очевидно, что данные положения либо не снабжены эффективными механизмами реализации, либо дополняются такими юридическими оговорками, которые фактически обнуляют их значение. Подобные «гибридные» конституции всё чаще встречаются не только в государствах с явно авторитарным уклоном, таких как Венгрия, Венесуэла, Турция, но и в государствах с формально устойчивыми демократическими институтами, где политическая воля элит направлена на консервацию власти.

В частности, D. Landau подчёркивает, что в условиях так называемой авторитарной конституционной инженерии конституция теряет своё первоначальное значение в качестве инструмента ограничения и контроля. Он вводит понятие «*abusive constitutionalism*» — использование конституционных процедур, таких как поправки и замена конституции, для постепенного подрыва демократии [\[19\]](#). Конституция становится не средством контроля власти, а инструментом институционализации автократии под прикрытием легальности. Конституционное право в такой системе больше не исполняет функции нормативного щита общества, оно подчинено задаче структурного воспроизводства власти. Именно здесь возникает угроза «конституционального симулякра», который характеризуется сохранением символических и процедурных атрибутов демократии — парламентаризм, выборность, судебный контроль, декларируемая защита прав человека — при полном отсутствии их содержательной реализации.

Философская категория симулякра, предложенная J. Baudrillard [\[20\]](#), как нельзя лучше описывает данное явление: вместо правового государства — его имитация, вместо судебной независимости — институциональная декорация, вместо разделения властей — тщательно выстроенный фасад. При этом внешняя риторика правового государства продолжает воспроизводиться как внутри, так и на международной арене, что создаёт эффект двойного обмана — как внутреннего, так и внешнего. При этом конституционализм в условиях симуляции утрачивает свою антологическую основу,

превращаясь в механизм политико-правового театра, где акты, процедуры и институты выполняют ритуальные, а не регулятивные функции.

На практике это приводит к возникновению своеобразного институционального дуализма: с одной стороны, формально функционирующие органы публичной власти, а с другой — система неформального управления, основанная на контроле, лояльности и исключении оппозиции. Например, в ряде государств постсоветского пространства наблюдается устойчивое сосуществование парламентов и президентских актов, судов и внесудебных процедур давления, свободы слова и государственной цензуры. Всё это в совокупности создаёт правовую иллюзию демократии, которая, однако, не в состоянии гарантировать ни подлинную политическую конкуренцию, ни защиту прав и свобод личности.

Кроме того, трансформация современного конституционализма сопровождается институциональным пересмотром роли и функций ключевых механизмов правовой системы. Верховные суды, конституционные советы и иные органы судебного контроля всё чаще становятся объектом политического давления, а иногда — прямого захвата. Назначение судей происходит по критерию политической лояльности, а решения выносятся не на основании принципов справедливости и закона, а в угоду текущей политической целесообразности. В результате происходит разрушение самой основы конституционного правопорядка — принципа верховенства конституции как высшего юридического ориентира.

Следовательно, происходящие процессы можно охарактеризовать как «контрреволюцию против конституционализма», в ходе которой авторитарные режимы адаптируют правовую форму для своих нужд, не уничтожая институты напрямую, но искажая их изнутри. Это подтверждают исследователи [\[21\]](#), которые описывают механизмы популистских конституционных реформ, направленных на сохранение видимости демократии, несмотря на фактическое разрушение процессуальных и институциональных сдержек. Данное явление представляет особую опасность, поскольку создаёт видимость нормального функционирования правового порядка при фактическом отсутствии подлинной правовой реальности. Соппротивление этим процессам требует не только правовых инструментов, но и нового концептуального подхода к оценке качества и подлинности конституционных систем, в том числе с позиций международного права и сравнительной юриспруденции.

В конечном счёте, речь идёт о фундаментальном сдвиге в природе конституционного права, при котором оно из средства защиты личности и ограничения власти превращается в механизм её политико-юридического воспроизводства. И если раньше основным критерием легитимности конституционного порядка считалась его способность обеспечивать баланс между ветвями власти и защиту прав человека, то теперь на первый план выходит управляемость, стабильность и контроль — даже ценой отказа от сущностных основ правового государства. Именно поэтому анализ трансформации современного конституционализма должен выходить за рамки сугубо юридических категорий и учитывать политическую волю, культурные установки и институциональные практики, в которых он реализуется.

Пути реагирования: сохранение институционального баланса в условиях трансформации

Современный конституционализм, оказавшийся в условиях политических, технологических и социокультурных изменений, сталкивается с необходимостью выработки эффективных механизмов адаптации и устойчивости. Трансформация конституционных институтов не обязательно сопровождается их формальной отменой;

напротив, чаще происходит изменение их функций и смыслов, что требует гибких и содержательных форм правового реагирования.

Одним из ключевых направлений такого реагирования остаётся развитие и укрепление внутригосударственных правовых механизмов, обеспечивающих воспроизводство демократических основ конституционного строя. В частности, значимую роль продолжает играть институт парламентского контроля, несмотря на наблюдаемую в ряде юрисдикций тенденцию к его ослаблению. При наличии политической воли и институциональных гарантий, парламент способен эффективно реализовывать контрольную функцию в отношении исполнительной власти, поддерживая необходимый баланс. Примером служит практика Великобритании, где парламент сохраняет активную роль в контроле над действиями правительства и участвует в публичной оценке правомерности его решений.

Особое место в механизмах институциональной устойчивости занимает институт конституционного контроля. Конституционные (или аналогичные им) суды выступают не только арбитрами по вопросам соответствия нормативных актов основному закону, но и гарантами субстанциальных принципов правопорядка — прав и свобод человека, разделения властей, законности. Эффективность данной функции во многом определяется фактической независимостью судебной власти, уровнем профессиональной автономии судей и устойчивостью к политическому давлению. Как подчёркивает R. Hirschl [\[22\]](#), качество конституционного правосудия прямо связано с уровнем демократической зрелости общества и политической культуры. В условиях роста вызовов независимости судов возрастает значимость процедур правового диалога между ветвями власти, институционализированных форм медиации и открытых каналов экспертного взаимодействия.

Наряду с формальными государственными структурами, всё более значимую роль в поддержании баланса в условиях трансформации приобретает гражданское общество. Его деятельность не противопоставляется государству, но выполняет компенсационную и восполняющую функцию в тех случаях, когда традиционные институты испытывают функциональные затруднения. Негосударственные правозащитные организации, независимые средства массовой информации, общественные объединения, экспертные и академические структуры способствуют сохранению устойчивости правового порядка посредством правового просвещения, участия в обсуждении законопроектов, подачи коллективных исков и правовых обращений в международные инстанции. Такая активность может усиливать горизонтальные каналы легитимации и вовлечения граждан в публичную политику, особенно в условиях ограниченного политического плюрализма и снижения конкуренции в представительских органах власти. Как подчёркивает М.Ю. Власенко [\[23\]](#), именно гражданское общество в подобных условиях играет роль посредника между обществом и властью, содействуя поддержанию конституционного равновесия в условиях институционального напряжения.

На международном уровне усиливается роль наднациональных и межгосударственных институтов, выполняющих функцию внешнего мониторинга соблюдения демократических стандартов и принципа верховенства права. Европейский суд по правам человека, Венецианская комиссия Совета Европы, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека и другие организации формируют правовые рамки, способствующие соблюдению фундаментальных стандартов. Эти структуры действуют в логике субсидиарности, предоставляя государствам пространство для реализации национального суверенитета при условии соблюдения базовых правовых обязательств. Практика Европейского союза в отношении стран-членов, в частности Венгрии и Польши,

иллюстрирует возможность применения инструментов правового давления, включая мониторинг, экспертную оценку, правовые процедуры и санкционные механизмы, направленные на коррекцию отклонений от конституционных стандартов [\[24\]](#).

В условиях трансформации конституционного порядка всё большее значение приобретает возвращение к субстантивной модели конституционализма, ориентированной не на формальное соответствие процедурным требованиям, а на подлинное содержание демократического правопорядка. Интересным примером здесь выступает процесс конституционного обновления в Чили, начатый в ответ на массовые протесты 2019 года. Созыв Конституционной конвенции с участием представителей различных социальных групп, включая коренные народы и женщин, стал попыткой институционализировать более инклюзивную и легитимную модель конституционной реформы [\[25\]](#).

Аналогичный интерес представляет и случай Исландии, где, несмотря на последующее отклонение проекта новой конституции, был реализован важный эксперимент по расширению гражданского участия в разработке основополагающего нормативного акта. Такие кейсы демонстрируют возможность перехода к более открытым формам конституционного обновления, в которых содержание и процесс становятся равнозначными элементами легитимации.

Таким образом, реагирование на вызовы трансформации современного конституционализма требует не только защиты существующих институтов, но и активного обновления конституционной культуры, способной объединить государственные и негосударственные ресурсы. Устойчивость правового порядка в XXI веке определяется не только строгостью конституционного текста, но и зрелостью институтов, уровнем гражданского участия и способностью к воспроизводству ценностей демократии, прав человека и верховенства права в условиях перемен.

Заключение

Анализ трансформации современного конституционализма приводит к неизбежному выводу о том, что кризис демократических институтов и ослабление принципа верховенства права не являются исключительно ситуативными или временными явлениями. Напротив, они выступают симптомами более глубоких и системных изменений в самой логике конституционного правопорядка. Происходящее нельзя сводить к ошибкам конкретных режимов или правовых неудачам — можно говорить о метаморфозе всей нормативной матрицы, в рамках которой конституционализм перестаёт быть гарантией свободы и становится формой адаптации власти к новым вызовам глобальной нестабильности. Такие процессы отмечаются в научных трудах исследователей: например, М. Tushnet настаивает на необходимости переосмысления самого понятия «либерального конституционализма» в условиях постлиберальной эпохи [\[26\]](#).

Конституционализм XXI века всё более явно обретает очертания не как фиксированный набор норм и процедур, а как поле борьбы — не столько за форму, сколько за содержание. Формальное присутствие институтов и процедур, ранее считавшихся оплотом демократии — парламентов, судов, выборов, конституционных норм, — больше не гарантирует реализации их сущностного назначения. Именно поэтому акцент смещается с внешней формы к внутреннему наполнению, с нормативной риторики к институциональной практике. Это обуславливает необходимость обращения к критической теории конституционного права, позволяющей вскрыть механизмы нормативной симуляции и институционального камуфляжа.

Прогноз развития современных конституционных режимов не допускает промежуточных сценариев. Перед обществами стоит принципиальный выбор между институциональной деградацией, выражающейся в постепенном демонтаже или симуляции демократических институтов, и возрождением конституционализма как механизма реального сдерживания власти, гарантирующего устойчивость и инклюзивность политической системы. В условиях глобального политического давления, цифровой трансформации публичной сферы и роста технократического управления, прежние рецепты правового государства оказываются недостаточными. Поэтому значительную актуальность приобретают проекты «адаптивного конституционализма», ориентированные на социальную справедливость, экологическую устойчивость и институциональную подотчётность. В этом контексте интерес представляет пример конституционной реформы в Чили, где под давлением массовых протестов была инициирована процедура полной замены прежней конституции на основании широкого общественного участия. Также примечателен случай Исландии, где проект новой конституции разрабатывался в формате открытого диалога с гражданами и при активной цифровой поддержке.

Такое развитие требует не просто правовой модернизации, но и глубокого переосмысления самих научных подходов к теории конституционализма. Сложившиеся в XIX–XX веках доктринальные основания либерального правопорядка больше не отвечают новым вызовам — как в силу своей избыточной формалистичности, так и в связи с невозможностью адекватно отразить сложные взаимодействия между внутренними и глобальными механизмами регулирования. Следовательно, необходим критический пересмотр концептуального аппарата, используемого в отечественной и международной конституционалистике. Это касается как понятия суверенитета, так и понимания прав человека, баланса властей, источников легитимности и роли гражданского общества. Новая исследовательская повестка должна быть ориентирована не только на защиту устаревших парадигм, но и на разработку интегративных моделей, способных учитывать изменчивость современной реальности, не утратив при этом нормативной целеустремлённости и гуманистического измерения конституционного права.

Таким образом, заключительный этап исследования подводит к выводу о том, что современный конституционализм находится на критическом распутье. Его дальнейшая судьба будет зависеть от способности научного сообщества, институтов гражданского общества и международных организаций переосмыслить накопленный опыт, выйти за пределы формальных ритуалов и вернуть содержательную значимость фундаментальным ценностям правового порядка.

Библиография

1. Đuković M. Backsliding Rule of Law and "Stabilitocracy" in Montenegro // In: Mihr A., Pierobon C. (eds) *Polarization, Shifting Borders and Liquid Governance*. Cham: Springer, 2024. С. 213-228.
2. Ginsburg T., Huq A.Z. *How to Save a Constitutional Democracy*. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 320 с.
3. Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // *The Modern Law Review*. 2024. Vol. 87, No. 4. С. 799-832.
4. Adamidis V. Democracy, populism, and the rule of law: A reconsideration of their interconnectedness // *Politics*. 2021. Vol. 44, No. 3. С. 386-399.
5. Scheppele K.L. The Rule of Law and the Frankenstate: Why Governance Checklists Do Not Work // *Governance*. 2013. Vol. 26, No. 4. С. 559-562.
6. Lindsay M.J. The Presumptions of Classical Liberal Constitutionalism // *Iowa Law Review*.

2017. Vol. 102. C. 259-300.
7. Vermeule A. Common Good Constitutionalism: Recovering the Classical Legal Tradition. Polity, 2022. 270 c.
8. Elazar D.J. Covenant and Civil Society: The Constitutional Matrix of Modern Democracy. 1998. 414 c.
9. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 c.
10. Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. 2018. 240 c.
11. Mounk Y. People vs. Democracy-Why Our Freedom Is in Danger and How to Save It. London: Harvard University Press, 2018. 393 c.
12. Kyle J., Mounk Y. The Populist Harm to Democracy: An Empirical Assessment. Tony Blair Institute for Global Change, December 2018. 42 c.
13. Innes A. The Political Economy of State Capture in Central Europe // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 52, No. 1. C. 88-104.
14. Halmai G. Is There Such Thing as 'Populist Constitutionalism'? : The Case of Hungary // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11, No. 3. C. 323-339. DOI: 10.1007/s40647-018-0211-5.
15. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Public Affairs, 2019. 704 c.
16. Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. London: Macmillan, 1885. 584 c.
17. Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven, CT: Yale University Press, 1964. 272 c.
18. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. 676 c.
19. Landau D. Abusive Constitutionalism // U.C. Davis Law Review. 2013. Vol. 47, No. 1. C. 189-260.
20. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Éd. Galilée, 1981. 172 c.
21. Ginsburg T., Huq A.Z., Versteeg M. The Coming Demise of Liberal Constitutionalism? // University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85, No. 2. C. 239-255.
22. Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 294 c.
23. Vlasenko M.Y. Problems of Civil Society Formation in Russia // Journal of Governance and Politics. 2019. No. 1 (4). C. 3.
24. Sedelmeier U. Political Safeguards Against Democratic Backsliding in the EU: The Limits of Material Sanctions and the Scope of Social Pressure // Journal of European Public Policy. 2016. Vol. 24, No. 3. C. 337-351.
25. Heiss C., Suárez-Cao J. Constitution-Making in the 21st Century: Lessons from the Chilean Process // PS: Political Science & Politics. 2024. C. 1-4.
26. Tushnet M.V. A New Constitutionalism for Liberals? // N.Y.U. Rev. Law & Soc. Change. 2003. Vol. 28. C. 357-360.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "... теоретико-методологическая основа исследования трансформации конституционализма должна учитывать множественность подходов, в том числе институциональный, субстантивный, критико-правовой и сравнительно-правовой анализ. Только при комплексном рассмотрении можно адекватно зафиксировать и объяснить глубокие изменения, происходящие в структуре публичной власти и в механизмах правового регулирования в современных государствах. Это открывает пространство для формирования нового понятийного аппарата, позволяющего описывать постдемократические, гибридные и квазиправовые режимы, которые всё чаще становятся реальностью в глобальной политико-правовой системе".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Современный этап развития государственности ознаменован нарастающим кризисом демократических институтов и постепенной эрозией фундаментального принципа верховенства права, что отражает более широкие трансформации внутри конституционного правопорядка. В условиях ускоряющейся политической турбулентности, нарастающей институциональной нестабильности и кризиса доверия к традиционным формам представительной демократии наблюдается возврат к практикам концентрации власти, политической инструментализации правовых институтов и селективного правоприменения. Эти процессы охватывают как молодые, так и зрелые демократии, порождая феномен, который в западной литературе обозначается как *erosion of the rule of law*, или «эрозия верховенства права» [1]. Именно в этом контексте обостряется необходимость переосмысления конституционализма не только как нормативной конструкции, но и как динамически меняющегося политико-правового явления. Актуальность настоящего исследования определяется как внутренними, так и внешними факторами: с одной стороны, наблюдается тенденция к демонтажу институциональных сдержек, обеспечивающих баланс властей, с другой — усиливается тенденция к нормализации правового популизма, подменяющего подлинные механизмы народного представительства формальной демократической риторикой" и др. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы заключается "... в разработке и введении в научный оборот категории «трансформированный конституционализм» как аналитической модели, позволяющей комплексно осмыслить происходящие сдвиги в правовых системах различных государств" и

проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, наблюдаемая деградация демократических институтов выходит за рамки простого «кризиса» и требует переосмысления в терминах глубинной трансформации. Вопрос заключается не столько в том, сохраняются ли формальные механизмы демократии, сколько в том, остаются ли они функционально жизнеспособными в условиях новых политико-технологических реалий. Ответ на этот вопрос требует дальнейшего теоретико-правового осмысления и разработки концептуального аппарата, способного адекватно описывать феномен трансформированного конституционализма в эпоху постдемократического развития"; "Таким образом, анализ ослабления верховенства права демонстрирует не просто временные затруднения или институциональные сбои, а глубокую трансформацию содержания и функций этого принципа в условиях изменяющейся политико-правовой среды. Отступление от универсальности и нейтральности правовой нормы, рост исполнительной произвольности, вмешательство в деятельность судов и селективное правоприменение формируют качественно иную правовую реальность, которая требует переосмысления понятийного аппарата современного конституционного права и разработки механизмов, способных гарантировать реальную, а не номинальную защиту

прав человека и правовое ограничение государственной власти"; "В конечном счёте, речь идёт о фундаментальном сдвиге в природе конституционного права, при котором оно из средства защиты личности и ограничения власти превращается в механизм её политико-юридического воспроизводства. И если раньше основным критерием легитимности конституционного порядка считалась его способность обеспечивать баланс между ветвями власти и защиту прав человека, то теперь на первый план выходит управляемость, стабильность и контроль — даже ценой отказа от сущностных основ правового государства. Именно поэтому анализ трансформации современного конституционализма должен выходить за рамки сугубо юридических категорий и учитывать политическую волю, культурные установки и институциональные практики, в которых он реализуется"; "Таким образом, ответ на трансформацию современного конституционализма заключается не только в обороне существующих институтов, но и в активном обновлении конституционной культуры, опирающемся на принципы подлинной демократии, уважения к правам человека и верховенства права. Устойчивость конституционного порядка в XXI веке определяется не столько жёсткостью текстов, сколько гибкостью и зрелостью институтов, а также способностью общества осознанно участвовать в его воспроизводстве" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель и методологию. В основной части работы автор выявляет механизмы и направления трансформации современного конституционализма через призму двух ключевых феноменов: кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Следовательно, происходящие процессы можно охарактеризовать как «контрреволюцию против конституционализма», в ходе которой авторитарные режимы адаптируют правовую форму для своих нужд, не уничтожая институты напрямую, но искажая их изнутри. Это подтверждают исследователи [16], которые рассматривают, как авторитарные режимы современности адаптируют правовую форму для собственных целей, не уничтожая институты, но искажая их изнутри" - имеется повтор текста.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Библиография исследования представлена 21 источником (монографиями и научными статьями) на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (A. Dicey, L. Fuller и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Анализ трансформации современного конституционализма приводит к неизбежному выводу о том, что кризис демократических институтов и ослабление принципа верховенства права не являются исключительно ситуативными или временными явлениями. Напротив, они выступают симптомами более глубоких и системных изменений в самой логике конституционного правопорядка. Происходящее нельзя сводить к ошибкам конкретных режимов или правовых неудачам — перед нами метаморфоза всей нормативной матрицы, в рамках которой конституционализм перестаёт быть гарантией свободы и становится формой

адаптации власти к новым вызовам глобальной нестабильности. Такие процессы отмечаются в научных трудах исследователей: например, М. Tushnet настаивает на необходимости переосмысления самого понятия «либерального конституционализма» в условиях постлиберальной эпохи [21]. Конституционализм XXI века всё более явно обретает очертания не как фиксированный набор норм и процедур, а как поле борьбы — не столько за форму, сколько за содержание. Формальное присутствие институтов и процедур, ранее считавшихся оплотом демократии — парламентов, судов, выборов, конституционных норм, — больше не гарантирует реализации их сущностного назначения. Именно поэтому акцент смещается с внешней формы к внутреннему наполнению, с нормативной риторики к институциональной практике. Это обуславливает необходимость обращения к критической теории конституционного права, позволяющей вскрыть механизмы нормативной симуляции и институционального камуфляжа. Прогноз развития современных конституционных режимов не допускает промежуточных сценариев. Перед обществами стоит принципиальный выбор между институциональной деградацией, выражающейся в постепенном демонтаже или симуляции демократических институтов, и возрождением конституционализма как механизма реального сдерживания власти, гарантирующего устойчивость и инклюзивность политической системы. В условиях глобального политического давления, цифровой трансформации публичной сферы и роста технократического управления, прежние рецепты правового государства оказываются недостаточными. Поэтому значительную актуальность приобретают проекты «нового конституционализма», ориентированные на социальную справедливость, экологическую устойчивость и институциональную подотчётность" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права как элементов трансформации современного конституционализма. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, конституционно-правовая регламентация механизмов обеспечения демократических институтов, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди использованных автором методов особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать историко-правовой анализ, который «позволяет выявить ключевые парадигмы, на основе которых на протяжении столетий строилось нормативное понимание устройства государственной власти»; институциональный подход, в соответствии с которым «правовые и политические институты рассматриваются как

формальные и неформальные правила, устойчиво воспроизводящие определённый порядок общественного взаимодействия»; сравнительно-правовой подход, позволивший соотнести модели трансформации, имеющие место в разных государствах.

Актуальность разработки заявленной темы высока в свете видоизменения конституционно-правовых механизмов в различных странах: «Примеры Венгрии, Польши, Турции, а также политические процессы в США и Бразилии последних лет, наглядно демонстрируют, как в рамках формально действующих демократических процедур происходит постепенная институциональная трансформация, ведущая к ослаблению механизмов правового контроля и нарушению принципа независимости судебной власти». Кроме того, процессы осмысления трансформации конституционализма до сих пор вызывают интерес отечественных исследований в свете принятия Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором исследуется кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объёму и вполне информативна.

Вместе с тем в ходе изучения статьи возникает ряд вопросов принципиального свойства. Говоря об «ослаблении верховенства права», не подменяет ли автор данным понятием нарушение права по соображениям политической целесообразности? Ведь право, применяемое с нарушением, правом быть не прекращает и свойство верховенства не теряет. В противном случае мы научно легитимизуем подобное нарушение, политкорректно называя «ослаблением верховенства права».

Кроме того, в статье присутствуют оценки российского конституционализма, вызывающие недоумение. Так, автор ссылаясь на статью (Vlasenko M.Y. Problems of Civil Society Formation in Russia // Journal of Governance and Politics. 2019. No. 1 (4)), пишет: «... именно активность институтов гражданского общества позволяет в ряде случаев компенсировать дефицит парламентского представительства и судебной независимости». Что означает «дефицит парламентского представительства»? Выборы в российский парламент всех созывов законны и легитимны. В чём тогда дефицит? И не является ли мнение о «судебной независимости» голословным? Более того, исходя из логики статьи, процитированное мнение дано в обоснование следующего тезиса: «Негосударственные правозащитные организации, независимые медиа, общественные объединения и академическое сообщество становятся не только свидетелями, но и активными участниками борьбы за сохранение и восстановление подлинного конституционного порядка. Через правовое просвещение, участие в обсуждении законопроектов, подачу коллективных исков и международных жалоб они способны формировать альтернативный центр легитимности». То есть на основании голословных по сути дела утверждений мы делаем вывод о том, что отечественный конституционный порядок не является подлинным? В чем критерии подлинности и почему российский конституционализм их якобы утратил и нуждается в «восстановлении»?

Представляется, что ответы на поставленные вопросы придали бы работе должную завершенность.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в конституционно-

правовых и международно-правовых исследованиях. При условии определенной доработки она может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам трансформации современного конституционализма. Автором рассматриваются современные проблемы кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права, предлагается авторская трактовка некоторых теоретических понятий, практические и теоретические выводы. Как указано самим автором, «Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке и введении в научный оборот категории «адаптивный конституционализм» как аналитической модели, позволяющей комплексно осмыслить происходящие сдвиги в правовых системах различных государств». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения нормативно-правовых актов разных стран и мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Целью настоящей работы является выявление механизмов и направлений этой трансформации, в частности, через призму двух ключевых феноменов: кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующих правовых актов разных стран. Например, следующий вывод автора: «Примером институциональной деградации при сохранении внешней архитектуры демократии выступают такие государства, как Венгрия, где после прихода к власти партии Fidesz были внесены масштабные изменения в Конституцию, существенно ограничившие полномочия Конституционного суда; Польша, где в 2017 году был принят закон о реформе судебной системы, вызвавший обеспокоенность Европейской комиссии; Турция, в которой после попытки государственного переворота 2016 года была введена новая конституционная модель, сконцентрировавшая власть в руках президента».

Также автором активно изучаются иные практические примеры. Например, сделан следующий важный в контексте рецензируемой работы вывод: «С развитием «больших данных», нейросетей и платформенного управления наблюдается переход от классических форм агитации к целевому воздействию через индивидуализированные месседжи, формируемые на основе поведенческих данных. Эта тенденция получила наибольшее развитие в ходе избирательных кампаний в США (2016), Великобритании

(Brexit) и Бразилии (2018), где цифровые технологии были использованы для создания альтернативной реальности, формирующей у граждан когнитивный пузырь и препятствующей рациональному обсуждению общественно значимых вопросов».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема трансформации современного конституционализма сложно и неоднозначна. Действительно, современная жизнь меняет представления о демократических институтах, о государстве, верховенстве закона. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Актуальность настоящего исследования определяется как внутренними, так и внешними факторами: с одной стороны, наблюдается тенденция к демонтажу институциональных сдержек, обеспечивающих баланс властей, с другой — усиливается тенденция к нормализации правового популизма, подменяющего подлинные механизмы народного представительства формальной демократической риторикой». Приводимые автором в статье примеры из судебной практики наглядно демонстрирует этот вопрос.

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Анализ трансформации современного конституционализма приводит к неизбежному выводу о том, что кризис демократических институтов и ослабление принципа верховенства права не являются исключительно ситуативными или временными явлениями. Напротив, они выступают симптомами более глубоких и системных изменений в самой логике конституционного правопорядка. Происходящее нельзя сводить к ошибкам конкретных режимов или правовых неудачам — можно говорить о метаморфозе всей нормативной матрицы, в рамках которой конституционализм перестаёт быть гарантией свободы и становится формой адаптации власти к новым вызовам глобальной нестабильности».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению и комментированию мнений различных зарубежных ученых, что само по себе может быть значимым для ученых в рассматриваемой сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с трансформацией современного конституционализма.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, придя к конкретным выводам по поводу трансформации современного конституционализма.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Имеются неточности в плане оформления шрифтов (имеются разные

шрифты в тексте). Данное замечание может быть исправлено в процессе редакторской правки.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Ginsburg T., Huq A.Z., Versteeg M., Kyle J., Mounk Y. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области конституционного права и теории права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам развития конституционного права и конституционализма в разных странах мира на современном этапе.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»